

A decorative rectangular frame with ornate, scrolled corners. The frame is set against a background of a cracked, stone-like texture. At the top center of the frame, the Russian text "МАСТЕРА ЧИСТО" is written in a stylized, gothic font, appearing to be part of a hanging ornament or chain.

МАСТЕРА
ЧИСТО

ADAM NEVILL

SOME WILL
NOT SLEEP

МАСТЕРА
ВРЕМЕНИ

АДАМ НЭВИЛЛ
УСНУТ НЕ ВСЕ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
АНДРЕЯ ЛОКТИОНОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Посвящается моей жене Энн,
которая, хоть и вынуждена ежедневно терпеть
мои ужасы, всегда справляется с ними
и потекает им

Я слышал ночью крик, а затем смех. Такие,
что если не смогу забыть их, то больше не усну.

М. Р. Джеймс. Граф Магнус

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Свой первый роман ужасов я начал писать в сентябре 1997 года, а рассказы сочинял с начала того же десятилетия. Сейчас у меня за спиной уже восемь романов в жанре «хоррор», и, хотя я написал рассказов на три полноценных сборника, этот — мой запоздалый первенец. Я выбрал истории, сочиненные с 1995 по 2011 год (хотя впервые они были опубликованы в середине этого периода и после него). Выбрал потому, что в 2016 году они мне по-прежнему нравятся и через этот сборник я решил дать им вторую жизнь. Все они являются ключевыми с точки зрения их заказчиков и издателей. А также с учетом того, что я пытался достичь посредством голоса, стиля или эффектов. Более подробную информацию на данную тему можно найти в конце книги, в разделе «Об этих ужасах».

В современной издательской среде, которая продолжает существенно меняться, для писателей открывается много новых возможностей. А новые технологии и новая эра независимого

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

издательского дела, наконец, открыли ворота, выпустили моих гончих и вызвали у меня желание опубликовать этот первый сборник самостоятельно, через собственную компанию Ritual Limited. Не последнюю роль сыграл мой одиннадцатилетний опыт работы редактором в традиционных издательствах. Все волнения и муки, радости и разочарования, а также долгие дни моей трудовой жизни в качестве редактора подготовили меня к тому, чтобы попробовать издавать книги по-своему. По сути, сформировали видение того, как мои рассказы должны быть оформлены и представлены читателю.

Работая в столь обширной области, буквально кишащей старыми и новыми авторами, я особенно хотел, чтобы этот сборник олицетворял то, чем я занимаюсь как писатель ужасов. Я чувствовал, что сумею сделать это лишь в одиночку. Если допущу какие-то ошибки, то смогу тут же их исправить. Также я смогу печатать книгу бесконечно. И как автор и издатель никогда не позволю ей «впасть в спячку».

Благодаря ежегодному — начиная с 2010-го — выпуску романов и удачному стечению обстоятельств, лишь в 2016-м году я наконец получил возможность развить мою компанию в нечто большее, расширив ее изначальную административную функцию, и издать дебютную книгу. Предстоит много тяжелой работы. Для создания разных форматов потребуется немало времени. В стремительно меняющейся издательской сфере, возможно,

Адам Нэвилл. УСНУТ НЕ ВСЕ

придется чему-то учиться. И издание «Уснут не все» не обошлось без всего этого.

Наконец, название сборника навеяно Первым посланием к Коринфянам (15:5), написанным апостолом Павлом: «Не все мы уснем, но все изменимся». Как и в случае с большей частью Библии, это утверждение имеет несколько интерпретаций. Но есть и несколько интерпретаций названия данной книги. Не спит кто-то из ее героев. Возможно, не спит кто-то из читателей. И тот, кто написал ее, тоже зачастую не спит.

*Manes exite paterni*¹

Адам Л. Дж. Нэвилл
Девон. Июнь 2016 г.

¹ Духи предков, изыдьте! (Лат.) — Здесь и далее прим. пер.

КУДА ПРИХОДЯТ АНГЕЛЫ

Половина тела у меня ноет, как гнилой зуб. Боль проникает до самых костей. Левую руку и ногу колет ледяными иголками. В них уже никогда не вернется тепло. Вот поэтому бабушка Элис и здесь. Сидит на кресле у изножья кровати, ее морщинистое лицо скрыто тенью. И все же молочный свет, проникающий сквозь тюлевые занавески, отражается искорками в юрких глазах, блестит на желтоватых зубах, открытых в улыбке, которая не сходила с ее лица с тех пор, как мать впустила Элис в дом, приготовила ей чашку чая и провела в мою комнату. От бабушки пахнет, как от сливных труб за муниципальными домами.

— По крайней мере, одна половина у тебя здорова,— говорит она. На ее тощую ногу надет металлический ортез, ступня под шарниром обута в детскую туфельку. Я знаю, это невежливо, но не могу оторвать взгляд. Здоровая нога заплыла жиром.

— Они отняли у меня руку и ногу.— Здоровой рукой она вынимает мертвую конечность из кармана

Адам Нэвилл. УСНУТ НЕ ВСЕ

своего кардигана, и та падает ей на колени. Маленькая и серая, она напоминает мне кукольную. Я отвожу взгляд.

Она наклоняется ко мне со своего кресла; ее дыхание пахнет чаем.

— Покажи, где они до тебя дотронулись, малыш.

Я расстегиваю ворот пижамы и переворачиваюсь на здоровый бок. Увидев мой шрам, бабушка Элис не теряет зря времени, и ее короткие толстые пальцы начинают ощупывать сморщенную кожу плеча, но не касаются тех полупрозрачных мест, где меня хватала рука. Глаза у бабушки Элис округляются, губы растягиваются в стороны, обнажая десны, скорее черные, чем розовые. Кукольная рука на бедре подрагивает. Бережно прижимая ее к груди и глядя заботливыми пальцами, бабушка Элис кашляет и садится обратно в кресло. Когда я прячу плечо под пижамой, она продолжает смотреть на него немигающими глазами и, похоже, разочарована тем, что я не дал ей насмотреться вдоволь. Она облизывает губы.

— Расскажи, что случилось, малыш.

Я откидываюсь на подушки, смотрю в окно и сглатываю подступивший к горлу ком. Меня слегка мутит, и я не хочу вспоминать, что случилось. Ни за что.

В парке через улицу, за металлическим забором, я вижу обычный круг мамаш. Закутанные в пальто, они сидят на скамейках возле детских колясок либо прогуливаются, удерживая на поводке рвущихся бегать собак, и следят за игрой детей. Те

карабкаются по «лазалкам», носятся по сырой траве, визжат, смеются, падают и плачут. Замотанные в шарфы, одетые в теплые куртки, они спуют среди голодных голубей и чаек. Тысячи белых и серых птичьих фигурок что-то выискивают в земле у них под ногами. Наконец птицы испуганно взлетают дугой, поднимают свои пухлые тельца в воздух, громко хлопая крыльями. И дети на мгновение слепнут от страха и возбуждения, вызванных секундным ураганом из пыльных крыльев, красных лапок, острых клювов и испуганных глаз. Но они — дети и птицы — здесь, за частоколом железной ограды, в безопасности. За ними пристально следят внимательные мамы. Только здесь детям позволено играть после того, как я вернулся домой. Один. В нашем городе много кто пропадает: кошки, собаки, дети. И никто не возвращается. Кроме меня и бабушки Элис. Мы вернулись, хотя и наполовину живые.

Сейчас я целыми днями лежу в кровати, с бледным лицом и слабым сердцем, пью лекарства, читаю книжки и слежу из окна спальни за игрой детей. Иногда сплю, но лишь когда это необходимо. Когда бодрствую, то могу хотя бы читать, смотреть телевизор, слушать разговоры матери с сестрами. Но во снах я возвращаюсь в большой белый дом на холме, где старые юркие существа окружают меня, а затем кидаются ко мне, и я вижу их лица.

Что касается бабушки Элис, то она считает тот день, когда она маленькой девочкой вошла в большой белый дом, торжественной датой. И по-

Адам Нэвилл. УСНУТ НЕ ВСЕ

прежнему благодарна, что ее пустили внутрь. Наш папа называет ее старой душой и не любит, когда она появляется у нас. Он не знает, что она сегодня здесь. Но когда исчезает ребенок или кто-то умирает, родственники зовут бабушку Элис к себе домой. «Она видит и чувствует то, чего никто из нас не видит и не чувствует», — говорит мама. Она просто хочет знать, что со мной случилось. Как и те две женщины-полицейские, как и матери двух пропавших прошлой зимой девочек, как и родители Пикеринга.

— Расскажи нам, малыш. Расскажи нам про дом, — просит бабушка Элис, улыбаясь. Никто из взрослых не любит говорить о красивом, высоком доме на холме. Даже наши папы, которые возвращаются с фабрики домой, пахнущие пластмассой и пивом, смущаются, когда их дети говорят, что снова слышали женский плач. Плач, который раздавался откуда-то сверху и у нас в голове одновременно. Шел издали, с того холма, и в то же время у нас из груди. Наши родители уже больше не слышат этот плач, но помнят его с детства. Плач людей, запертых в том доме на холме и молящих о спасении. А когда никто не приходит на помощь, в их голосах начинает слышаться злость. «Чушь», — говорят родители, стараясь при этом не смотреть нам в глаза.

После «моего случая» я долго лежал в больнице без сознания. А когда очнулся, был настолько слаб, что оставался там еще три месяца. Постепенно правая сторона моего тела пришла в норму, и меня отпустили домой. Тогда и начались расспросы насчет

моего приятеля, Пикеринга, которого так и не нашли. А теперь еще бабушка Элис хочет знать все, что я помню, и все о моих снах. Только я не знаю, что случилось по-настоящему, а что привиделось мне, когда я находился в коме.

* * *

Мы давно обсуждали наш поход. Мы с Пикерингом и Ричи, как и все мальчишки, хотели быть самыми смелыми в школе. Хотели забраться туда и утащить какое-нибудь сокровище, в доказательство тому, что побывали внутри, а не просто посмотрели сквозь ворота, как другие. Некоторые говорят, что белый дом на холме когда-то был тем местом, куда уходили на покой старые богатые люди, владевшие фабрикой, землей, нашими домами, нашим городом и нами. Другие говорят, что здание построили на месте старой нефтяной скважины и что почва там загрязнена. Учитель в школе рассказывал, что в особняке раньше располагался госпиталь и там все еще полно микробов. Наш папа говорил, что более ста лет назад в доме был приют для умалишенных и с тех пор он пустует, потому что разрушается, а на ремонт нет средств. Вот почему детям нельзя туда ходить: может завалить кирпичами или пол провалится под ногами. Бабушка Элис говорит, что это место, «куда приходят ангелы». Но все мы знаем, что это место, где можно пропасть без следа. На каждой улице города есть семьи, у которых пропали дети или домашние животные. И каждый раз

Адам Нэвилл. УСНУТ НЕ ВСЕ

полиция, обыскивавшая дом, ничего не находила. Никто не помнит, чтобы большие ворота перед домом были открыты.

Поэтому в пятницу утром, когда все дети пошли в школу, мы с Ричи и Пикерингом отправились в совсем другую сторону. Сначала пробирались огородами, где однажды нас с Пикерингом поймали за то, что мы сломали лежаки и опоры для вьющейся фасоли. Потом через лесок, где было полно битого стекла и собачьего дерьма. Переправились по мосту через канал, пересекли картофельное поле, пригнувшись, чтобы фермер не заметил. Перебрались через железнодорожные пути и шли, пока город совсем не скрылся из виду. Болтая про спрятанные сокровища, мы остановились возле старого фургона мороженщика со спущенными шинами. Побросали в него камни, почитали выцветшее меню на маленьком прилавке. И, истекая слюной, принялись делать воображаемые заказы. Из-за деревьев окружавшего поместье леса выглядывали трубы большого белого особняка.

Хотя Пикеринг все время шел впереди и хвастался, что не боится ни охранников, ни сторожевых собак, ни даже призраков — «Потому что их можно просто проткнуть рукой», — когда мы подошли к подножию лесистого холма, никто не произнес ни слова и все прятали друг от друга глаза. В глубине души я не переставал верить, что у черных ворот мы повернем назад, поскольку травить байки про дом, планировать экспедицию и представлять себе всякие ужасы — это одно. А забраться внутрь —

КУДА ПРИХОДЯТ АНГЕЛЫ

